

в эпизоде войны с лучанами и битвы на Турске, но в более широкой рамке главы I, 10 налицо и Борживой, и Градец, как и в труде Кристиана. Здесь мы стоим на почве шатких догадок, но не исключено предположение, что Козьма хотел превзойти своего предшественника по части большей подробности не только сказания о Пржемысле Пахаре, но и рассказа о первом князе христианине Борживое. У Кристиана после Мефодиева пророчества и крещения следует Градец с повестью об основании первого в Чехии храма, у Козьмы же после рассказа о крещении Борживоя следуют Левый Градец и образы более раннего языческого прошлого. Основой главы I, 10 у Козьмы могла явиться вторая глава Кристиана. Содержание названной главы у Козьмы разнородно, крещение Борживоя и война Неклана с лучанами соединены в одной главе без всякой внутренней мотивировки, автор дает лишь цветистый переход от одной темы к другой: «Nec superfluum esse iudicavimus, quod referente fama audivimus, huic operi nostro hoc in loco summam literarum apicibus inserere bellum». Наоборот, сочетание рассказа о церкви св. Климента в Градце с крещением Борживоя логично и органично. В силу этого можно думать, что Козьма заменил первоначальный Градец Канха своим, ни к селу ни к городу вдвинутым Левым Градцем Неклана. На связь с Кристианом могло бы, пожалуй, указывать и выражение «literarum apicibus», в первой главе у Кристиана читается: «tam latinis quam ipsis Grecorum apicibus instructus».¹⁸

Более несомненный след дает нам второе упоминание Левого Градца Козьмой: «Facta est autem hec electio non longe ab urbe Praga Levigradec in oppido XI. kal. Marcii, eodem quo obiit Diethmarus episcopus anno» (I, 25). Не без оснований это известие Козьмы об избрании Войтеха епископом приводится в подкрепление рассказа Кристиана о первом христианском храме в Левом Градце. Если там собрался собор, который должен был избрать преемника Дитмара, значит, уже в 982 г. это было место исключительного значения в чешской церковной и государственной жизни. Но проблемы возникают и в связи с этим вторым упоминанием Левого Градца Козьмой. Как усматривается из издания Бретгольца, в рассказе об избрании Войтеха Козьма повторил слово в слово Канапариеву легенду; ради наглядности даем разрядкой те слова этой легенды, которые буквально воспроизвел Козьма: «Post mortem vero episcopi non longe ab urbe Praga factus est conventus desolatae plebis... Eodem die dominico, quando haec electio facta est» (I, 240). Указание на место избрания взято таким образом из Канапария, но упоминания о Левом Градце у этого последнего нет, это интерполяция Козьмы. Козьма, как правило, стремится знать больше, чем знают его источники, вопрос только в том, каков был источник его дополнения. В данном случае Козьма как декан Пражского капитула был бесспорно в исключительно благоприятном положении. По всей вероятности, дату избрания он не выдумал, а нашел ее в официальных записях Пражского епископства. Более проблематично дополнение, уточняющее место избрания. Аргумент здесь тот, что Козьма едва ли стал бы рабски повторять слова Канапария, если бы все сведения об избрании Войтеха брал из официальных источников. На самом же деле источник его информации — Канапарий, только дату избрания он явно взял из официальной записи. Для соблюдения преемственности епископов даты их избрания и смерти систематически записывались, но точное указание на место избрания выходит,

¹⁸ WLL, стр. 89, 30.